

Чтение с препятствиями: пороги, о которые спотыкаются юные читатели:

Кесарева Н.Г.,

руководитель Центра детского чтения ЧОДБ

Сегодня чтение и понимание текстов художественных произведений доставляют детям и подросткам определённые трудности. Что мешает им?

Вот некоторые наблюдения и примеры, сделанные при проведении занятий Школы творческого чтения (2-4-ый классы) и по программе «Новая неудобная литература» (5-8-е классы).

Сегодня читатели часто оценивают книги **по их объёму**. Если в прошлом веке растрёпанные, зачитанные толстые книги пользовались особым спросом (значит, интересные, стоит брать), то сейчас **большой объём**, например, триста и больше страниц текста, настораживает или отталкивает читателей. Но это относительно: если **«Война и мир» Л. Толстого** с трудом и по необходимости прочитывается (в основном два первых тома), то солидные по толщине книги **Джоан Роулинг, Френсис Хардинг, Натальи Щербы** пользуются постоянным спросом. Значит, существуют и другие причины, которые настораживают читателей и не позволяют погрузиться в книги, написанные в прошлом и позапрошлом веках.

К сожалению, слабое преподавание истории в школе во всех классах, неразвитый интерес детей к отечественной истории отражается на выборе и чтении книг. Дети практически не интересуются тем, что было до них. **Исторические события, исторические личности, быт людей, их отношения** представляют для них «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Так, сложными для детей стали **«Чёрная курица, или Подземные жители» А. Погорельского, «Аленький цветочек» С. Аксакова, «Морские рассказы» К. Станюковича, «Судьба барабанщика» А. Гайдара, «Белеет парус одинокий» В. Катаева, рассказы и сказки К. Паустовского**. Далёкие события 18-19-ого веков, пансион для детей, приезд высокого проверяющего чина (**«Чёрная курица»**); полная подчинённость и подневольность моряков и их тяжёлая служба на судне (**«Максимка», «Побег», «Куцый»**); революционные события 1905-ого года в Одессе и мальчишеские игры начала прошлого века (**«Белеет парус одинокий»**) – всё это тормозит понимание текстов для юных читателей.

Назову и другие **темы**, которые далеки и малопонятны современным детям, и потому требуют дополнительных пояснений, например, **о жизни детей в дореволюционное время** (сложными оказались **«Гуттаперчевый мальчик» Д. Григоровича, «Дети подземелья» В. Короленко, «Ёлка Митрича» Н. Телешова, «Чудесный доктор» А. Куприна, «Ванька» и «Спать хочется»**

А. Чехова, «Серебряные коньки» М. М. Додж). К трудным можно отнести и темы о советских пионерах, об исторических событиях в России и мире в прошлом, будь то Первая Оборона в Севастополе, революция 1917 года, гражданская война, коллективизация, репрессии или жизнь в английских работных домах, тюльпаномания в Голландии, освоение прерий и продвижение трапперов на запад в Северной Америке.

Поэтому в начале занятий коротко говорим о времени, которое отражено в книгах, и проводим **занятие «Семейные памятные вещи»**. Подготовленные рассказы детей о семейных реликвиях впечатляют не только учеников, но и учителей и библиотекарей. Как правило, эти рассказы сопровождаются показом самой вещи, если она небольшая по размеру, или фотографиями. Дети показывают ордена своих прадедов и объясняют, за что они получены; кляссеры с марками, которые их родители собирали с давних пор; старые шкатулки, бабушкины кружева и вышитые картины, как-то принесли отреставрированную маленькую подушечку-думочку, которая принадлежала царской семье; ёлочные игрушки, старые книги, фотографии всё ещё действующей швейной машинки «Зингер», которая «кормила» несколько поколений семьи. Был трепетный рассказ про икону Божьей матери, которая когда-то сопровождала молодую прабабушку с детьми, спасавшихся от фашистов. Теперь икона передаётся в роду из поколения в поколение и охраняет семью. Бывали и курьёзные случаи, например, к очень старым вещам девочка отнесла и самую обычную фарфоровую статуэтку, которую купила её бабушка лет 40 назад, отдыхая на юге (для девочки – это история!).

Притяжение и обаяние старых вещей сильно и обольстительно, считает **Д. Гранин**. В нашем разговоре обязательно участвует его книга «**Ленинградский каталог**» о быте и привычках людей большого города в тридцатые годы прошлого века. Через вещи можно приблизиться к прошлому, через детали узнать жизнь своих родных и страны.

«Модное, дорогое становится дешёвым, теряет привлекательность, покрывается налётом пошлости, - пишет Гранин. - Со временем пошлость переходит в уродство, оно растёт и делается смешным. Затем забавным... Удивительным... Любопытным... Романтичным... Дорогим... Иногда для этого нужны десятилетия, иногда века... Вдруг оказывается, что старинные вещи похорошели, среди них уже не видно уродцев... Вещи могут вернуться. С прошлым не стоит окончательно прощаться... Дело не в ностальгии. Мы возвращаемся к детству за добром, нежностью, за радостью дождя и восторгом перед огромностью неба».

Так ребята могут рассмотреть частичку жизни своих родных.

Непонятна детям порой и лексика произведений. У морского офицера **К. М. Станюковича**, конечно, много морских терминов: блокшивы, гюйс, марс-фал, принайт-овить, брам-стенги, клипер, пассаты. В «**Чёрной курице**» **А. Погорельского** встречаются такие слова и выражения, как голландские

черепицы, дортуар, деяния рыцарей, вошИть столы, киевское варенье, букли и тупеи, изношенный салоп, красная бекешь, бергамоты, синяя мурава на голландских изразцах, окорок пАрАдировал на столе. У **А. Куприна** в «**Белом пуделе**» звучат словосочетания постоялый двор, двугривенный и гривенник, голубой капот, чесучёвая пара, старинный галоп (не имеет отношения к лошадям), парусиновые панталоны, засаленный картуз-«чилиндра», как с юмором говорит дедушка Мартын Лодыжкин. Даже у писателей, живших в 20-ом веке, найдётся непонятное: у **К. Паустовского** – околица, удила, тот же картуз, порты, рядом, скорый на работу, известИ до последнего корня, сухомЕнь, дела неподсудны, казённые харчи, чваниться, исплается; у **В. Драгунского** – чистописание, домоуправление, управдом, будённовская сабля, коммунальная квартира, полет Германа Титова в космос.

Для удобства эти книги снабжены толкованием слов и выражений постранично или в конце книги. Но немногие дети обращают на это внимание, и в их пояснении получается, что картуз – это верхняя одежда, постоялый двор – это место во дворе, где можно постоять, бергамоты – это бегемоты, только неправильно произнесено, а околица – это что-то около лица. Так непонятное слово тормозит восприятие и понимание текста, вызывает недоумение, поэтому привыкаем обращаться к словарям.

В этом помогает, например, занятие: обсуждение сказки **Т. Александровой** «**Домовёнок Кузька**» с привлечением двухтомного толкового словаря **В. Даля** в бережной обработке **В. Берестова** и **Н. Александровой**. Красоту речи Кузеньки ни с чем не спутаешь – старинная русская, даже славянская, прелестная! Но ведь и в ней надо разбираться и понимать! Если в тупик ставит поговорка «Седьмая вода на киселе» (ответ ребят: это разбавленный жидкий кисель), то как расшифровать фразеологические обороты «Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу», или «Толкуй больной с подлекарем!», или «Из огня да в полымя», или «Незванные гости глодают кости»? Вот и пригодится словарь Даля для разъяснения – нет, не этих пословиц и поговорок – других идиоматических выражений и старинных слов, которые в данном случае нам служат как вкусная приправа для будущей работы. Следующая книга-помощник - «**Словарь фразеологических оборотов**».

Построение предложений (грамматика) в книгах может быть тоже не очень понятным и сложным делом для читателей. Например, сказка **С. Аксакова** «**Аленький цветочек**» построена на **инверсии в предложениях** (глагол предваряет имя существительное, а имя прилагательное стоит после существительного, что непривычно по сегодняшним литературным нормам): «**Призадумался честной купец крепче прежнего...**», «**Очутилась она во дворце зверя лесного, чуда морского, во палатах каменных, на кровати из резного золота со ножками хрустальными, на пуховике пуха лебяжьего...**». Подобное построение фраз передаёт напевность, плавность, неторопливость речи, придаёт нежность и тихую прелесть. А присоединение гласной к предлогам (во палатах, со ножками) речь удлинняет и плавно ведёт.

На занятии мы пробовали привести текст в «современный вид» («Она очутилась во дворце лесного зверя, морского чуда, в каменных палатах...») – и пропало очарование сказки, она огрубела. Ребятам понравилось и выражение «цветёт цветок цвету алого»: тавтология, троекратное повторение однокоренных слов не губит предложение, а украшает его и умножает немислимую сказочную красоту.

Не всегда и не сразу понятны **сказки С. Козлова** – настолько они прозрачны и тонки, например, **сказки «Заяц и Медвежонок», «Ёжикина гора», «Вольный осенний ветер», «Ворон»**. Здесь почти нет действий, волшебных предметов, троекратного повторения действий, зато много описаний, диалогов, чувств. Эти сказки не получится читать с налёта, приходится читать не по одному разу, вдумываться и тихо постигать простое Слово.

Даже известное классическое произведение может поставить в тупик. Из рассказа учителя 4-го класса, крепкого и серьёзного: она задавала вопросы по прочитанной детьми сказке **Пушкина о царе Салтане и сыне его Гвидоне**, в т.ч. и такой – любит ли Царевна-Лебедь князя Гвидона? Попробуйте ответить на этот вопрос *[обращение к аудитории]*. Хорошая крепкая ученица сказала, что нет, не любит, а хочет удачно выйти замуж и стать княгиней. Тогда почему Царевна-Лебедь постоянно обращается к Гвидону: «Здравствуй, князь ты мой прекрасный»? А её щедрые волшебные подарки Гвидону, который поначалу только сосредоточен на том, чтобы заманить к себе отца, царя Салтана? А её нежность и бесконечная благодарность Гвидону за спасение от колдуна в обличье коршуна? Увы, девочка современные отношения перенесла на давние события и не разглядела за пушкинскими строками что-то очень важное.

Ещё одна причина «торможения» в чтении художественных произведений: дети «проскальзывают» по тексту, словно это серфинг, не замечая деталей, не погружаясь в текст и не смакуя его, как будто они работают с гаджетами, сканируя их. Пример: мало того, что объём повести **В. Катаева «Белеет парус одинокий»** для них кажется огромным, они, к сожалению, не видят и того, что именно этот писатель отличался детальным «вкусным» описанием предметов и событий, будь то подводный мир в прибрежье Чёрного моря, или сорта винограда, или работа машинного отделения парохода «Тургенев», или разнообразнейшая рыба на Привозе, или мальчишеские игры, даже название книжного магазина, в котором продавали канцелярские товары, - «Образование»!

Вот способы использования гимназической фуражки, которые открыл Пете Бачею его опытный друг Гаврик:

«Мальчики уселись под кустиком возле помойки и принялись всесторонне рассматривать фуражку. Гаврик тотчас открыл в ней множество тайн и возможностей, ускользнувших от глаз Пети.

Во-первых, обнаружилось, что вынимается тонкий стальной обруч, распирающий дно. Обруч был обклеен заржавленной бумагой и,

вытащенный из фуражки, представлял самостоятельную ценность. Из него ничего не стоило наломать массу маленьких стальных пластинок, годных хотя бы для того, чтобы класть на рельсы под дачный поезд – интересно, что с ними делается!

Во-вторых, была чёрная сатиновая подкладка с напечатанной золотом прописью: «Бр. Гуральник». Если её немножко отодрать, за неё можно прятать различные мелкие вещи – ни за что никто не найдёт!

В-третьих, кожаный козырёк, покрытый снаружи чёрным лаком, можно легко сделать более блестящим, если хорошенько натереть зелёными стручками дерева, носящего среди мальчиков название «лаковое».

Что касается герба, то его немедленно надо подогнуть по моде и даже слегка подрезать веточки.

Мальчики тут же с жаром принялись за дело и работали до тех пор, пока не извлекли из фуражки все удовольствия, какие в ней заключались».

Этот эпизод носит юмористический оттенок, дополняя и обогащая детальное описание богатств гимназической фуражки.

Вернёмся к деталям произведений. Примеры можно и дальше приводить: вот братья Чук и Гек готовятся к поездке в незнакомые Синие горы и к возможной опасной встрече с медведем (Гайдар А. «Чук и Гек»); вот Люся Синицына объясняет, как делать «секретики» из стёклышка и фантиков, пуговиц, фольги, пёрышек и других подручных материалов (Пивоварова И. «О чём думает моя голова»); вот Паустовский описывает глухое лесное озеро, засыпанное жёлтыми листьями так, что «лески ложились на листья и не тонули» («Барсучий нос»); вот Дениска держит за нитку красный шарик и чувствует, как тот тянется из рук и хочет улететь, и отпускает его (Драгунский В. «Красный шарик в синем небе»); вот Юра Баранкин описывает своё изобретение – рогатку с оптическим прицелом (Медведев В. «Баранкин, будь человеком!»).

Такие ситуации у писателей часто сопровождаются юмором или иронией, на что хорошо откликаются читатели. Вспомните эпизод неожиданной встречи Баранкина в образе бабочки-капустника с пчелой в цветке или игра в футбол Юры и Кости-муравьёв; приготовление каши Мишкой и Колей в дачных условиях (Носов Н. «Мишкина каша»); проделки лесного марала-олени Мишки, который рос во дворе у четырёх сестёр Перовских (Перовская О. «Ребята и зверята»).

А вот пример авторской иронии из повести В. Катаева «Белеет парус одинокий»:

«Одно только омрачало радость ученья: Петю ещё ни разу не вызывали, и ни одной отметки ещё не стояло в его записной тетради [догадайтесь, что это такое]... Каждую субботу он с грустью приносил свою пустую записную тетрадь, роскошно обёрнутую в розовую бумагу, оклеенную

золотыми и серебряными звёздами, орденами, украшенную разноцветными закладками.

Но вот однажды в субботу Петя, не раздеваясь, вбежал в столовую, сияющий, взволнованный, красный от счастья. Он размахивал нарядной записной тетрадью, крича на всю квартиру:

- Тётя! Павка! Дуня! Идите сюда скорее! Смотрите, мне поставили отметки! Ах, как жалко, что папа на уроках!

И, торжественно швырнув тетрадь на стол, мальчик с гордой скромностью отошёл в сторону, как бы не желая мешать созерцанию отметок.

- А ну-ка, ну-ка! – воскликнула тётя... - Покажи свои отметки.

Она взяла со стола тетрадь и быстро пробежала её глазами.

- Закон Божий – два, русский – два, арифметика – два, внимание – три и прилежание - три [т.е. очень ленив], - с удивлением сказала тётя, укоризненно качая головой. – Не понимаю, чего же ты радуешься? Сплошные двойки!

Петя с досады даже топнул ногой.

- Вот так я и знал! – закричал он, чуть не плача от обиды. – Как вы, тётя, не понимаете? Важно, что отметки! Понимаете: от-мет-ки! А вы этого не хотите понять... Так всегда!..

И Петя, сердито схватив знаменитую тетрадь, помчался во двор показывать отметки мальчикам».

Гораздо сложнее с восприятием детьми текста, если он интонационно грустный, напряжённый, наполнен переживаниями. Многие современные дети, например, избегают чтения книг о войне как литературы беспокойной, тревожной, страшной, разрушающей их представления о ней. Удивительно, но современные мальчишки 8-11-ти лет не знают военных терминов, что было совершенно немыслимо 30-50 лет назад: окоп, землянка в три наката, калибр, паёк, Т-34, количество рядовых в роте, батальоне, адъютант, навесной огонь. Да, растёт поколение мирное, настроенное на спокойную жизнь – это хорошо, но оно уходит от тяжёлых сведений, книг и фильмов о трудном и страшном.

Так, они неохотно читают сами, но готовы слушать рассказы о блокаде В. Карасёвой «Кирюшка» (прежнее название «Маленькие ленинградцы»), Ю. Германа «Вот как это было», В. Голявкина «Мой добрый папа» и «Полосы на окнах». В таком чтении ребята порой открывают для себя неожиданное: оказывается, Драгунский – автор не только весёлых, но серьёзных, печальных, напряжённых историй («Арбузный переулок», «Человек с голубым лицом», «Старый Мореход», «Друг детства», «Поют колёса тра-та-та», «Синий кинжал»), а у Голявкина перемешаны и плотно сцеплены забавные и грустные эпизоды.

С чувствами детей необходимо работать и развивать их. Тогда будет прекрасный и неожиданный отзыв с их стороны, как это случилось после чтения вслух великолепных, очень грустных, но и обнадёживающих книг, как «**Умеешь ли ты свистеть, Йоханна?**» У. Старка и «**Удивительное путешествие кролика Эдварда**» К. ДиКамилло. После занятий дети купили эти книги в свою домашнюю библиотеку и посмотрели спектакль в нашем кукольном театре по второй повести.

(В скобках отмечу, что пополнение домашних библиотек книгами, о которых мы говорим на занятиях, - частое дело, но приобретение ДиКамилло и Старка было моментальным. Делаю вывод для себя, что книга должна звучать и звучать качественно).

К великому сожалению, рассеянное «скольжение» читателей по тексту книг оставляет за бортом **прелести слова и выражений**. Вот только некоторые примеры (надеюсь, они вам понравятся): у **Погорельского** – чувствуя с горестию, деяния рыцарей, вовсе не твердил урока, часы отдохновения, любезный Чернушка; у **Станюковича** – дневная истома, безмолвный восторг, чарующая искренность, покорное равнодушие; у **Куприна** – гнусавые звуки шарманки, сильное ожесточение, умоляющий вид, подобострастные голоса, заправский акrobat; у **Катаева** – море то яркосинее, пламенное, сверкающее, то тёмно-индиговое, шерстяное, морские коньки похожи на крошечных подводных драконов. А эпитет к образу Буратино «**благоразумненький**» в сказке **А. Н. Толстого** позволяет не только объяснить это слово, но и вспомнить и возродить к жизни старые и старинные слова, в которых первая часть «благо-»: благоприятный, благотворительность, благодаря, благополучие, благоухать, благодать, благородный.

Ослабляет восприятие текста порой и не самый удачный **перевод с иностранных языков**. Сегодня подростки, например, ищут переводы книг про Гарри Поттера издательства «Росмэн» (1997-2007 гг.), хотя и он недостаточно хорош и точен; переводы Марии Спивак их не устраивают (она, кстати, переводчик книги Дж. Бойна «**Мальчик на вершине горы**»).

Порой в процесс выбора и оценивания книги вмешиваются **родители и не разрешают своим детям их читать**. Так, родительская бдительность была проявлена к сказочной повести «**Рони, дочь разбойника**» **А. Линдгрен** (причина: как можно ребёнку читать о родах женщины?), к рассказу «**Медвежонок Джонни**» **Э. Сетона-Томпсона** (причина: медвежонок умирает, разве можно читать ребёнку о смерти?), к повести «**Пусть танцуют белые медведи**» **У. Старка** (причина: дедушка пугает!). К несчастью, эти родители впервые знакомятся с книгами писателей, которые уже стали классиками, оценивая их примитивно, на бытовом уровне, не видя леса за деревьями. Очень трудно доказывать им очевидное. Неслучайно одна учительница посоветовала осторожной маме лучше заняться самообразованием.

Вот таковы причины сложности работы, в которой соединяются дети и книги сегодня.